

**ЕДИНОВЕРИЕ В КОНЦЕ 1820-х – 1850-е ГОДЫ:
МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ СТАРОВЕРОВ¹⁴**

Alexander Palkin

**COMMON FAITH IN THE 1820s–1850s: MECHANISMS OF
STATE OPPRESSION AND OLD-BELIEVERS' OPPOSITION**

Referencing extensive archival materials gathered in the Russian State Historical Archive and the archives of the Ural Region, the author studies mechanisms of enforcement employed by the state and the established church during the spread of common faith among Old Believers between the 1820s–1850s. Religious persecution affected all the social strata of Old Believers. The policy carried out by the authorities included a variety of measures of oppression. Apart from established legal measures and trials, a system of secret resolutions and recordkeeping existed which meant Old Believers were persecuted extrajudicially. The policy at the time was determined by precedents, and many cases were considered in Ministries, the Synod, and Imperial Chancellery. The author also focuses on the means the Old Believers used to oppose oppression and preserve their beliefs (escapes, temporary conversion to common faith, etc.).

Key words: common faith; Old Belief; Nicholas I; confessional policy; Russian Empire.

На обширном архивном материале, извлеченном из Российского государственного исторического архива и архивов Уральского региона, рассматриваются механизмы принуждения, использовавшиеся государством и официальной церковью при распространении единоверия среди староверов в 1820–1850-е гг. Преследования затронули все социальные слои старообрядчества и касались разных сторон их жизни. Репрессивная политика властей отличалась комплексным подходом. Наряду с обычным законодательством и делопроизводством существовала система тайных постановлений и тайного делопроизводства, что оборачивалось преследованием староверов внесудебным порядком.

¹⁴ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Политика зачастую носила прецедентный характер, многие дела рассматривались особо и часто решались на уровне министерств, Синода и императорской канцелярии. Подробно рассматриваются также основные способы, использовавшиеся старообрядцами для противостояния давлению властей и сохранению своего вероучения (побеги, временные переходы в единоверие и т. п.).

Ключевые слова: единоверие; старообрядчество; Николай I; конфессиональная политика; Российская империя.

Церковная реформа середины XVII в. породила проблему всероссийского масштаба – значительная часть населения ушла в раскол, что привело к массовым миграциям староверов, уклонению от уплаты налогов и отказу от политической лояльности правительству. Светские и церковные власти также заняли бескомпромиссную позицию в отношении старообрядческого раскола. Практически сразу они стали использовать силовые методы подавления религиозно-политической оппозиции. Со второй половины XVII в. староверие было уголовно наказуемым преступлением (указом 1685 г. – вплоть до смертной казни). Примером тому может служить участь епископа Павла Коломенского, протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Федора и др. Показательными событиями в плане применения военной силы для подавления старообрядческой оппозиции были осада Соловецкой обители (1668–1676), отказавшейся принять никоновские «новины», и жестокое подавление Тарского бунта (1722). Попытки применения силы в отношении старообрядцев приводили к их бегству в отдаленные регионы страны, тайному исповеданию своей веры или к массовым саможжениям.

Дерадикализация старообрядчества и смягчение отношения к нему правительства с 1760-х гг. привели к возможности установления диалога между государством и церковью с одной стороны и старообрядчеством – с другой. В этих условиях в конце XVIII в. зародилось единоверие. Единоверие – форма присоединения старообрядцев к официальной церкви, при которой они сохраняли богослужение по старым книгам и обрядам, но подчинялись епархиальному начальству господствующей церкви. Изначально единоверие выглядело как компромисс, достигнутый представителями отдельных старообрядческих общин, государственными сановниками и иерархами официальной церкви, однако доработка условий соглашения и участие в этом процессе синодальных иерархов (в частности, митрополита Платона (Левшина)), выступавших против компромиссов со старообрядчеством, привели к тому, что конечный его вариант получился неприемлемым для большинства староверов, поскольку в нем они справедливо видели угрозу своей религиозной самобытности. После утверждения императором Павлом I «Пунктов о единоверии» («Правил единоверия») 27 октября 1800 г. реально существовало две

возможности: «Пункты» могли стать отправной точкой для продолжения переговоров со староверами с целью выработки более удобных и эффективных условий соглашения либо оказаться тупиковым вариантом развития событий, не устраивающим старообрядцев, что и произошло из-за позиции, занятой государством и официальной церковью. Церковные власти опасались того, что единоверие станет «соблазном» для православных и приведет к массовым «уклонениям в раскол», а потому стремились к неуклонному соблюдению «Правил»¹⁵. В то же время государство и церковь не использовали принуждение в качестве средства обращения в единоверие, а старообрядцы не спешили присоединяться к единоверию добровольно. В большей мере их устраивало полуполюгальное положение, когда власти смотрели на функционировавшие открыто старообрядческие общины сквозь пальцы.

В годы правления Николая I отношение правительства к старообрядчеству претерпело значительные изменения, что во многом было связано с новым консервативным курсом внутренней политики. Приступая к описанию государственной политики в отношении старообрядчества, необходимо отметить, что действия правительства не ограничивались выпуском официальных законодательных актов и контролем за их исполнением. Старообрядческая политика зачастую имела ярко выраженный прецедентный характер. Она складывалась из множества распоряжений по частным делам и вопросам, нередко тайных.

Важную роль в насаждении единоверия по всей стране играли «Секретные совещательные комитеты по делам о раскольниках» (далее – ССК). Первый ССК появился еще при Александре I в 1820 г. в столице, следующий ССК был создан в Москве в 1831 г. [Кельсиев, с. 175]. Расцвет деятельности столичных и позднее региональных комитетов (см. о них ниже) пришелся на правление Николая I. Создание комитетов было обусловлено тем, что принимаемые против раскола меры были крайне неэффективны. Одной из причин этого была высокая бюрократизация государственного аппарата империи¹⁶. Требовалась эффективная система, которая решала бы с минимальными задержками различные дела о старообрядцах. В. И. Байдин определяет комитеты как «органы внесудебной расправы с религиозными диссидентами» [Байдин, 1983, с. 142–143]. Поэтому, чтобы деятельность комитетов не вызывала волнений, решено было само их существование хранить в тайне.

Видимо, результаты работы столичных ССК удовлетворили Николая I, поэтому в 1838 г. [Белобородов, с. 175–177] было принято реше-

¹⁵ Так, например, в присоединении к единоверию в 1807 г. было отказано 400 старообрядцам г. Белева Тульской губернии, формально числившимся православными [РГИА, ф. 796, оп. 88, д. 534, л. 1–8].

¹⁶ Подобные комитеты существовали не только по делам о расколе, но и в других сферах государственного управления. [см.: Ерошкин, с. 186–202].

ние о создании комитетов по их подобию в губерниях. Такие учреждения были образованы в Чернигове, Петрозаводске, Перми, Тамбове, Вятке (1838), Саратове, Твери (1839), Иркутске (1844), Екатеринбурге (1845), Костроме, Харькове, Витебске (1846), Уфе, Тобольске, Могилеве (1847), Риге (1848), Архангельске, Нижнем Новгороде, Симбирске (1849), Ярославле, Самаре (1851), Курске (1852), Вологде (1856), Оренбурге, Томске (1859) [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 190, л. 51; ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 338–339, 347–350 об.; 419–419 об.; д. 44, л. 204–206 об., 305–305 об., 349; д. 45, л. 52–52 об., 152, 203; д. 46, л. 103; Варадинов, с. 373, 453, 614; СППЧР, 1856, с. 368, 441, 571, 684; Скворцов]. Губернские комитеты должны были подчиняться петербургскому комитету.

В 1840 г. было выпущено высочайшее повеление, где разъяснялись цели и функции секретных комитетов: все следственные дела по расколу до передачи их в суд должны были рассматриваться упомянутыми комитетами. В суд же предписывалось передавать только те, где было явное «нарушение существующих законов, сопровождавшееся противодействием установленному порядку». Дела о «давнишних раскольниках», не совершивших никаких противозаконных действий, по доносам и т. д. должны были решаться комитетами без лишних задержек. Такой подход, с одной стороны, разгружал официальное делопроизводство, а с другой – позволял преследовать «давнишних раскольников» внесудебным порядком, т. е. фактически развязывал руки правительству по отношению к староверам. Кроме того, в ряде случаев вопросы, связанные с единоверцами и старообрядцами, решались лично императором также в секретном порядке. Император утверждал и решения Петербургского ССК, куда стекались дела со всей страны. Таким образом, Николай I просмотрел несколько сотен дел, касающихся борьбы со старообрядчеством и насаждения единоверия [см.: РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 31, 34, 36, 38, 42–46]. Можно с уверенностью сказать, что широкое распространение единоверия по всей России во многом является личной «заслугой» монарха, многие годы контролировавшего ход этого процесса.

Масштабы деятельности комитетов можно посмотреть на примере Екатеринбургского ССК, учрежденного в 1845 г. (в его ведении состояли Екатеринбургский уезд и горные заводы) [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 44, л. 204–206 об.]. Комитет развернул активную деятельность. В период с конца 1846–1847 гг. и с 1850 по 1857 г. им было рассмотрено 1 833 дела, только 83 отклонены «по бездоказательности», обращено к православию 2 144 человека, к единоверию – 3 403, подвезгнуто суду 1 889 человек, отобрано более 1 500 книг, 1 265 икон, 1 369 вещей (правда, около 1/3 икон и 1/8 вещей были возвращены владельцам, книги, как правило, не возвращали) [ГАСО, ф. 6, оп. 1, д. 497, л. 4; д. 519, л. 1; д. 596, л. 1; д. 534, л. 2; д. 540, л. 2; д. 546, л. 2; д. 547, л. 2; д. 561, л. 1¹⁷].

¹⁷ Сведения любезно предоставлены В. И. Байдиным.

Староверы в полной мере прочувствовали сущность «николаевской реакции»: с середины 1820-х гг. давление на старообрядцев начало постепенно усиливаться. Николай I воспринимал старообрядчество не только как религиозную оппозицию, но и как «противо-государственный и противообщественный элемент» [Шлеев, с. 226]. В этой связи против старообрядцев развернулась настоящая борьба, имевшая своей главной целью ослабление и искоренение старообрядчества как явления. Правительство Николая I возродило и развило многие способы борьбы со старообрядчеством, частично напоминающие меры XVII–XVIII вв., но с одной важной особенностью: в сочетании с вполне традиционными методами активно использовалось единоверие. Более того, оно рассматривалось как главное духовно-нравственное средство для обращения староверов «в ограду церкви». Видя более чем скромные успехи единоверия за первую четверть века его существования, правительство решило поддержать его всеми доступными средствами.

Организация единоверческих приходов в николаевское время нередко сопровождалась драматическими событиями. Методы давления на старообрядцев отнюдь не ограничивались мерами «кроткой апостольской проповеди». Обращением староверов занималось не столько духовенство (впрочем, староверы писали справедливые жалобы и на его действия¹⁸), сколько исправники и администрация заводов и селений. Лаконично и достаточно точно выразился о тех событиях В. И. Байдин: «Убеждали» старообрядцев... определением в тяжелые работы, телесными наказаниями, голодом и тюрьмой, “просвещали” – угрозами, конфискацией молитвенных зданий, книг и икон» [Байдин, 1983, с. 122]. Старообрядцы пытались прибегать к помощи действовавшего законодательства. Так, крестьяне, жившие в имениях Лазаревых (Пермская губерния), в свою защиту пытались использовать неприменимую к ним статью 73 XIV тома Устава о предупреждении и пресечении преступлений, по которой «не велено никого стеснять из иноверцев» [ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 148, л. 2–3]. Их просьба выражала давнюю мечту староверов о признании старообрядчества в качестве самостоятельной конфессии (такой статус имели, например, католицизм или протестантизм), а не в качестве раскольнического и еретического течения православия и предоставлении им соответствующих прав и свободы вероисповедания. Даже многочисленные отчаянные просьбы, инициированные екатеринбургскими купцами-старообрядцами и поданные цесаревичу Александру, посетившему в 1837 г. Урал, от имени десятков тысяч староверов, оставались «без уважения» [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 84–94 об., 103–157]. В условиях проводимых самодержавной

¹⁸ См., например: [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 77–77 об., 80–80 об.]. Справедливость данных жалоб отмечал даже Николай I, полагавший, что дело насаждения единоверия «ведется не по смыслу неоднократно подтвержденных постановлений» [см.: Там же, л. 80 об.] Отметим, что такие признания императора на деле не приводили к облегчению положения староверов.

государственной машиной репрессий староверам было практически негде искать защиты [см., например: ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 148, л. 2–12; ф. 280, оп. 1, д. 816, л. 1–5]. Таким образом, для многих старообрядцев принятие единоверия было последним средством избавиться от притеснений и гонений.

Можно выделить несколько основных направлений действий властей, посредством которых осуществлялось давление на старообрядцев:

- ограничение гражданских прав старообрядцев;
- усиление эксплуатации старообрядческого населения;
- замена «раскольнической» администрации на местах православными и единоверцами;
- ссылки и аресты наиболее активных представителей старообрядческого движения;
- ограничения в сфере совершения обрядов жизненного цикла;
- борьба с беглыми попами;
- конфискация молитвенных зданий староверов;
- ослабление (ликвидация) крупных центров староверия.

Ограничение гражданских прав старообрядцев

Важное значение имела старообрядческая верхушка, во многом определявшая направление развития центров староверия, которые, в свою очередь, имели влияние по всей стране. Поэтому для успешного искоренения старообрядчества правительство планировало нанести удар по экономическим и политическим интересам торгово-промышленной верхушки, тем самым заставив ее принять единоверие или православие. Началось ограничение прав старообрядческих обществ: им запрещалось приобретать недвижимость (как посредством покупки, так и по завещанию), иметь печати, выдавать метрические записи. Наряду с этим имело место и ограничение личных прав староверов: им было запрещено записываться в I купеческую гильдию; в ряде случаев они не могли свидетельствовать против православных в судебных делах [СППЧР, 1860, кн. 2, с. 233–236.]; не могли назначаться на особо важные должности (городского головы, городского старосты и пр.) [Шлеев, с. 227–229], что способствовало переходу в единоверие, например, купцов Саратова (1835) [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 42, л. 365–366; Соколов, с. 363], городов Курской губернии (1837) [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 42, л. 380–380 об.; д. 43, л. 45–46], Екатеринбурга (1838) [Байдин, 1983, с. 124–127] и др. Российским старообрядцам запрещены были отношения с заграничными [Кельсиев, с. 174]. Однако самый сильный удар по купеческой верхушке был нанесен в 1854 г., когда староверам было запрещено записываться в купеческие гильдии на 1855 г., что послужило толчком к массовому переходу в единоверие в конце декабря 1854 г. Впрочем, уже в 1856 г.

староверам было разрешено числиться в купечестве на временном праве [Юхименко, с. 31]. Подобный сценарий был опробован на Урале еще в 1837–1838 гг., где показал свою эффективность. В правление Николая I давление, оказываемое на старообрядческую верхушку, в определенной мере увенчалось успехом: многие зажиточные староверы перешли в единоверие или православие.

Усиление эксплуатации старообрядческого населения

При всей сложности обращения социальной верхушки старообрядчества перед правительством стояла куда более сложная задача обращения рядовых староверов. В селениях и заводах правительство, главным образом, ограничивало возможность удовлетворения духовных потребностей староверов либо усиливало эксплуатацию населения.

Так, например, в частных владениях Строгановых (Пермская губерния) для обращения в единоверие использовались меры морального (прилюдное унижение, угрозы ссылки на золотые прииски, в Сибирь, в рекруты), физического (аресты, телесные наказания, лишение пищи и воды на несколько дней) и экономического (запрет заниматься отхожими промыслами, принуждение к строительству единоверческих церквей не только староверов, но и православных¹⁹) воздействия, которые вкуче с конфискацией часовен²⁰ привели к тому, что часть староверов вынуждена была перейти в единоверие [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 84–84 об., 103–104 об., 169–170; ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 863, л. 1–31 об.; Кутьев, с. 279–281]²¹.

Показателен ряд мер, разработанных в апреле 1840 г. Черниговским ССК. Среди этих мер, которые должны были способствовать обращению староверов в единоверие, значились следующие: «В слободах, наиболее наполненных раскольниками, расположить войска на постой, переменяя войска, чтобы они не подвергались влиянию раскольников... Лучше устроить полицию в городах, дабы ограничить своевольство раскольников» [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 190, л. 10–11 об.; см. также: ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 482–483 об.]. В той же губернии единоверцев освободили от налога на содержание «местных полиций», а необходимую сумму разложили поровну на староверов.

¹⁹ Православные также отказывались от строительства единоверческой церкви по той причине, что уже участвовали в сооружении трех храмов (видимо, православных), и полагали новые издержки для себя обременительными [см.: ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 863, л. 3].

²⁰ См., например, дело о запечатывании часовни в Добрянском заводе графини Строгановой [ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 24, л. 2–15 об.]

²¹ По мнению архиепископа Аркадия, высказанному им в рапорте пермскому губернатору, все крестьяне присоединились к единоверию или православию в 1835–1837 гг. «добровольно и непринужденно» и пообещали «впредь до конца жизни своей пребывать в православии» [см.: ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 148, л. 8–12 об.; ГАПК, ф. 280, оп. 1, д. 816, л. 1–5].

Причетники стародубских единоверческих церквей получали льготы в виде освобождения от повинностей. Серьезно были ограничены права староверов на отлучки и местное самоуправление [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 44, л. 319; д. 45, л. 211, 241–241 об.; СППЧР, 1860, кн. 2, с. 799–801].

Замена «раскольнической» администрации на местах православными и единоверцами

Помимо купцов-староверов крупнейших городов власть существенно усиливала давление на заводовладельцев и заводские административно-технические кадры, землевладельцев и приказчиков и т. д. На многих частных горных заводах администрация была сплошь старообрядческой, что сильно затрудняло переход в единоверие. Архиепископ Пермский Аркадий (Федоров) писал в 1834 г. в отношении к митрополиту Петербургскому Серафиму (Глаголевскому): «...в заводах раскольников Зотова и Харитонова и в заводах г. Яковлева, управляемых крестьянами-раскольниками Китаевым и Полузадовым, все пути к обращению раскольников в православие преграждаются; и главный начальник Горных заводов хребта Уральского генерал-лейтенант Дитерикс оказывает им особое снисхождение...» [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 42, л. 203]. В связи со сложившейся ситуацией Аркадий требовал замены староверов, занимавших ключевые посты, на православных или единоверцев, а равно и ужесточения мер против беглых попов. Позиция архиепископа имела под собой основания, поскольку в это время единоверцам на Урале жилось непросто. Так, в 1834 г. единоверцы Невьянского завода жаловались на свою участь миссионеру Авраамии Оглоблину: «1. ...от стесненных обстоятельств в оном Невьянском заводе обращение раскольников совершенно остановилось. 2. ...единоверцы терпят стеснение от тех лиц, кои бы должны им покровительствовать и их защищать от упорных раскольников».

Рассматривая это дело, петербургский ССК пришел к выводу, что «нелегко жить тамошних заводов единоверцам, где прикащики все раскольники и при том общество упорствующих весьма сильно и предприимчиво. А начальники за подчиненным вину находить всегда легко могут, когда захотят навести страх» [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 42, л. 129 об.–130, 146–146 об.].

Архиепископ Пермский Аркадий (Федоров) (1784–1870). Портрет XIX в.

Попытки урезонить «раскольническую» администрацию посредством инициирования судебного производства неоднократно предпринимались архиепископом Аркадием. Дело дошло до уровня министра внутренних дел, который 3 февраля 1835 г. потребовал от пермского губернатора немедленно решить это дело. Однако и спустя два года «притеснители» единоверцев не были наказаны, а дело было передано Главному начальнику уральских заводов [ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 136, л. 19, 38–38 об.; ф. 297, оп. 2, д. 890, л. 1–1 об.]. Не слишком скоро продвигалось и дело «О служителях Каслинского завода: Коробейникове, Столбикове, Новгородцеве Закаляпине, совращающих единоверцев в раскол», начатое по инициативе архиепископа в 1840 г. Горные власти, не желая подрывать производство, фактически саботировали следствие, начатое духовными и губернскими властями [ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 41, л. 1–3, 5–13 об.].

Уже с середины 1830-х гг. архиепископ Пермский Аркадий лоббировал принятие закона о запрете «раскольникам» занимать начальственные должности на частных горных заводах [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 29–29 об.]. Главный начальник Уральских горных заводов В. А. Глинка пытался минимизировать ущерб промышленности от антистарообрядческого курса правительства путем перевода ключевых администраторов в единоверие [Шкерин, 2008, с. 132, 136], однако целый ряд староверов-администраторов, отказавшихся принять единоверие, были смещены. В 1847 г. вышел прямой указ императора, запрещающий назначать старообрядцев на высшие должности на частных заводах²² [Байдин, 1983, с. 128–129].

Ссылки и аресты активных представителей старообрядческого движения

Эффективным методом обращения старообрядцев в единоверие оказались аресты и ссылки, которым мог быть подвергнут любой старовер, независимо от материального и социального положения. Так, например, в 1834 г. был арестован на месяц знаменитый екатеринбургский купец, старшина уральского беглопоповского общества Я. М. Рязанов [ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 136, л. 32–33; Агеев, Микитюк, с. 84]. Это событие в совокупности с другими факторами через несколько лет сыграло важную роль в переходе части екатеринбургских «столпов раскола» в единоверие.

Однако не всегда такое давление оборачивалось успехом. Так, например, екатеринбургские купцы П. Я. Харитонов и Г. Ф. Зотов были отправлены в ссылку и наотрез отказались принять единоверие, несмотря на то что им предложили прекратить преследование в случае согласия изменить веру [Агеев, Микитюк, с. 83]. П. Я. Харитонов был

²² Впрочем, сделать это предписывалось в трехлетний срок [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 44, л. 386–387].

по высочайшему повелению «лишен медалей и доброго имени» в 1837 г. и сослан в Кексгольм, где 31 декабря 1838 г. умер, так и не дождавшись ответа на прошение о восстановлении его в купеческом звании [ГАПК, ф. 297, оп. 1, д. 767, л. 2–3, 68, 70–71 об.].

Также староверов могли ссылать в арестантские роты. Такое наказание получили в 1848 г. восемь «раскольников» Черниговской губернии, нарушивших данное императору обещание принять «правильное священство» [СППЧР, 1860, кн. 2, с. 459–460].

Ссылки показали свою эффективность и в Москве. В январе 1854 г. состоялась высылка из древней столицы в разные губернии под надзор «наиболее вредных и нетерпимых в Москве коноводов раскольниковых» [Преображенское кладбище, с. 56–63]. После этого большая часть состоятельных федосеевцев, опасаясь подобной судьбы, приняла решение о переходе в единоверие.

Одним из самых жестких методов борьбы с «упорными раскольниками» (в том числе не желавшими венчаться в единоверческих церквях) была ссылка в северные Богословские заводы, проживание на которых в суровых бытовых и природных условиях становилось серьезным испытанием [см., например: ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 95, л. 1–12 об.]. Несколько лет на Богословских заводах нередко становились причиной присоединения к единоверию, носившего, как правило, неискренний и формальный характер [см., например: ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 85, л. 1–3, 10, 13–13 об., 15, 16; д. 91, л. 1–10; д. 93, л. 1–10].

Старообрядческий священник в облачении, 1830 г.
Рисунок Ф. Г. Солнцева (1801–1892)

Ограничения в сфере совершения обрядов жизненного цикла

В законодательстве того времени нашли свое отражение указы о запрете на совершение обрядов жизненного цикла (крещений, венчаний, отпеваний) старообрядцами и замене их аналогичными обрядами в православных и единоверческих церквях. В 1827 г. был издан указ, который вводил ответственность перед гражданским судом за венчание брака по «раскольничьему» обряду [ПСЗ, т. 2, № 1257]. В 1828 г. старообрядческим священникам официально было запрещено давать свидетельства о времени кончины людей (эти сведения должны были подтверждаться местной полицией) [Там же, т. 3, № 2356.].

Старообрядческие священник и диакон. Фрагмент настенного листа XIX в.

В начале 1830-х гг. православным священникам Саратовской епархии было разрешено крестить детей «раскольников» без обращения их и родителей в православие или единоверие, а также записывать эти крещения в метрические книги [Соколов, с. 342]. Указ 1844 г. позволял крестить детей тульских и ижевских старообрядцев-оружейников в единоверческих церквях, появившихся там «для ослабления раскола между мастеравыми». В том же указе разрешалось отпевать старообрядцев по православному обряду [ПСЗ, т. 19, № 14409].

Сводные браки стали альтернативой переходу в единоверие и венчанию единоверческим священником. Такие браки совершались наставниками и были широко распространены в различных регионах страны. «Сводителей» предписывалось предавать суду как «совратителей» (т. е. как тех, кто проповедовал старообрядчество среди православного населения). Сводный брак приравнивался к блудному сожителству, подобные браки правительство требовало расторгать, с предложением, впрочем, узаконить брак в единоверческой церкви [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 429–430]. В таком случае от супругов требовалось принять единоверие. В ряде случаев староверы соглашались венчать брак, но с тем условием, чтобы в единоверие не переходить. Такие просьбы, как правило, не удовлетворялись [РГИА, ф. 1470, оп. 1, д. 43, л. 159–160 об.]. Впрочем, у этого правила было исключение: на рубеже 1830–1840-х гг. петербургский ССК разрешил венчать старообрядческие браки в официальной церкви на территории Пермской губернии без предварительного перехода молодоженов в православие или единоверие, однако, по всей видимости, эта практика существовала недолго [РГИА, ф. 832, оп. 1, д. 48, л. 32 об.–34]²³. С развитием сети единоверческих приходов венчающиеся должны были принять официальное православие или единоверие. Распоряжение Синода 1855 г. освобождало присоединяющихся из раскола от обязательства доставлять содержание «бывшим их наложницам» (т. е. женам, браки с которыми были совершены в старообрядчестве и не признавались властями), старообрядческий брак при этом признавался недействительным, и новоприсоединенным единоверцам разрешалось вступать в новый брак «по чиноположению церковному» [СППЧР, 1860, кн. 2, с. 509–512, 608–611]. Таким образом, переход в единоверие мог быть отличным поводом для того, чтобы развестись

²³ Интересно отметить, что подобная практика существовала в начале XIX в. в Нижнетагильском заводе и его окрестностях [Белобородов, с. 169–171].

с женой и при этом не платить «алименты». В 1855 г. вышло также постановление о том, чтобы «раскольники за безбрачное сожитие с православными и единоверцами подвергаемы были заключению на таковое же время, какое полагается по церковным правилам за ту же вину православным и единоверцам» [СППЧР, 1860, кн. 2, с. 621–622]. Поскольку «безбрачным сожитием» считались любые формы сожительства, кроме венчания, совершенного в официальной церкви, этот акт фактически запрещал православно-старообрядческие и единоверческо-старообрядческие браки, совершенные вне господствующей церкви. Впрочем, на практике этот указ не был достаточно эффективным.

Борьба с беглыми попами

Духовные и светские власти справедливо видели в беглопоповщине, расцветшей в правление Александра I, серьезное препятствие для распространения единоверия и православия среди старообрядцев. Усиление преследований беглых попов происходило по всей стране, что привело к серьезному сокращению числа беглых священников и практически полному их исчезновению в ряде регионов. Беглые священники частью вымирали естественным образом (а ставить новых после «разорения» Иргизских монастырей стало сложнее) либо под угрозой суда переходили в единоверие. Невозможность исправлять требы у беглых попов привела к переходу определенной части старообрядцев в единоверие. Но значительно чаще старообрядцы предпочитали вовсе отказываться от священников (как, например, на Урале). Кроме того, со второй половины 1840-х гг. в России начала действовать старообрядческая Белокриницкая иерархия, ставшая альтернативой единоверию.

Конфискация молитвенных зданий

Одним из наиболее действенных способов давления на старообрядцев была конфискация их молитвенных зданий. Для этого использовались постановления от 1826 и 1827 гг., по которым старообрядцам запрещено было строить новые молитвенные дома, «исправлять» (ремонтировать) старые, устраивать в них престолы [ПСЗ, т. 1, № 584; Сулова, с. 241]. В полной мере действие этого закона проявилось в 1830–1840-е гг. Он имел колоссальные последствия, поскольку давал властям формальный повод для ликвидации практически любого молитвенного сооружения староверов. На практике это выразилось в закрытии сотен старообрядческих моленных и часовен по всей стране²⁴. Зачастую отнятые и «запечатанные» часовни передавались

²⁴ Закрытие этих зданий растянулось более чем на два десятилетия. Однако были и более жесткие варианты развития событий. Так, чиновник особых поручений Скрипицын в 1838 г. предлагал «постановить один общий срок», после которого надлежало закрыть все моельни. Однако Секретный комитет нашел это «неудобным», и закрытие продолжилось в соответствии с постановлениями 1826–1827 гг. [см.: РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 220].

единоверцам [см., например: РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 179–179 об.; д. 44, л. 321, 344, 371, 372, 391–391 об., 406–406 об.; д. 45. 8, 33–34 об., 93–96 об., 142, 190–192]. В некоторых случаях молитвенные здания староверов подвергались уничтожению, а материалы, оставшиеся от них, направлялись на нужды единоверческих церквей [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 44, л. 33–33 об., 38, 175–175 об., 196, 202–203 и др.].

Причины столь массового обращения старообрядческих молитвенных зданий в единоверие и отношение к этому процессу самих единоверцев очень точно передает архиепископ Пермский Аркадий – известный апологет единоверия и «противораскольнический» деятель: в своем отношении к митрополиту Серафиму он просил разрешить «не подвергать устройению» единоверческих церквей «общим правилам»²⁵, ибо не столько сами единоверцы просят церкви, сколько сама церковь умоляет единоверцев принять ее». Он также полагал, что выгоднее устраивать единоверческие церкви из старообрядческих часовен – и быстрее, и дешевле, и таким образом уничтожается часовня, при этом сохраняется внутри старинный вид, что имело особое значение ввиду слухов, что для единоверцев будут строить церкви «по новым планам, а не по старинному благочестию». Петербургский ССК в 1834 г. разрешил устраивать церкви из часовен с одобрения духовного начальства [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 42, л. 204 об.–205 об.], что имело также большое значение для распространения единоверия по всей России.

Правительство пыталось усилить контроль над молитвенными зданиями староверов. С 1835 г. МВД стало требовать от управляющих губерниями сведения о старообрядческих молитвенных зданиях [ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 136, л. 137–137 об.]. В дополнение к указам о запрете строительства новых молелен и ремонту старых в 1836 г. было запрещено обращать крестьянские избы в старообрядческие молельни [ПСЗ, т. 11, № 9107], наличие которых составляло серьезную «конкуренцию» новоустроенным единоверческим церквям.

Для упрощения порядка организации единоверческих приходов императором в 1842 г. было сделано повеление, по которому, во-первых, любое число староверов (даже абсолютное меньшинство), желавших перейти в единоверие, получало право на обладание молитвенным зданием целого общества²⁶ (впрочем, подобные прецеденты случались и ранее, как, например, в Перми в 1837 г. [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 91–94]); во-вторых, правительство пыталось ограничить влияние беглопоповских порядков в новых единоверческих общинах, для чего планировалось обеспечить финансовую независимость

²⁵ Под «общими правилами» здесь подразумевается способность прихожан содержать священника (а желательно еще и построить церковь за свой счет). Для содержания батюшки обычно требовалось по меньшей мере несколько сотен человек, а единоверческие приходы зачастую открывались, когда число единоверцев составляло несколько десятков или едва превышало сотню человек.

²⁶ В первой четверти XIX в. правительство в таких случаях отказывало староверам, желавшим обратиться в единоверие, объясняя подобное решение малочисленностью просителей.

священников от прихожан и не допустить их выхода из-под ведения епархиального начальства. В то же время все меры по насаждению единоверия предписывалось принимать «постепенно и с должною осторожностью при содействии духовного начальства» [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 190, л. 79–80].

В общих чертах можно обрисовать схему обращения старообрядческой общины (или ее части) в единоверие следующим образом. Узнав о том, что староверы проводили ремонт своей неизбежно ветшающей часовни или молитвенного дома (зачастую между фактом ремонта и возбуждением дела о закрытии здания проходили годы), местные власти в лице исправника описывали имущество и запечатывали здание, не позволяя староверам вынести оттуда книги, иконы и богослужебные принадлежности. Священные (к тому же ценные в материальном плане) вещи портились от ненадлежащих условий хранения (повышенная влажность и затхлый воздух в непроветриваемом помещении), а староверы оставались без возможности совершать полноценное богослужение. Как правило, старообрядцы писали многочисленные прошения с просьбой распечатать их здание или хотя бы позволить вынести вещи, однако подобные просьбы оставались без внимания [см., например: ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 18, л. 2–52; д. 32, л. 1–6; д. 45, л. 1–10 об.; д. 52, л. 1–4; д. 97, л. 1–6; д. 117, л. 1–2, 5–6]. Чтобы не допустить окончательного разрушения здания по естественным причинам, а вдобавок под влиянием миссионеров и административным давлением, община (или ее часть) была вынуждена принимать единоверие. Часто принятие единоверия раскалывало общину на две части, относившиеся друг к другу с резким неприятием.

Процесс передачи часовен единоверцам был достаточно сложен. Практически каждое дело решалось в индивидуальном порядке на уровне петербургского ССК и императора. В ряде случаев, как, например, в дер. Горскиной и г. Кунгуре, центральные власти предписывали действовать осторожно и часовни единоверцам не передавать, чтобы не «заводить распри» [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 56–57, 64–64 об.], также не всегда удавалось найти повод и возможность закрыть старообрядческие часовни, например, в дер. Токаревой Оханского уезда (1838) [РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 284–284 об.] и дер. Лая Верхотурского уезда (1839) [ГАСО, ф. 43, оп. 3, д. 16, л. 6–20]²⁷. Необходимо отметить, что даже в тех случаях, когда единоверческие церкви строились «вновь», находящиеся в тех же населенных пунктах часовни и молельные староверов чаще всего также закрывались, чтобы не вредить «делу насаждения единоверия» [см., например: ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 145, л. 31–72]. Зачастую богослужебные предметы, иконы и книги передавались из старообрядческих часовен и молелен в единоверческие церкви [см., например: РГИА, ф. 1473, оп. 1, д. 43, л. 66–66 об.].

²⁷ Часовню все же закрыли позже, в 1845 г. [Варушкин, с. 299–303].

Ослабление или ликвидация крупных центров староверия

Насаждению единоверия во многом препятствовали мощные, хорошо организованные и влиятельные центры старообрядчества. Для их ликвидации или, по крайней мере, ослабления использовались все вышеперечисленные методы. Тема борьбы правительства со старообрядческими центрами достаточно хорошо изучена в литературе, поэтому перечислим лишь основные центры, даты и события.

Наступление началось с Иргизских монастырей, главной функцией которых было «исправление» беглых попов господствующей церкви и «поставка» их в общества староверов по всей стране, естественно за определенное вознаграждение. В 1829 г. в результате мощного давления властей был обращен в единоверие Нижне-Воскресенский монастырь. В 1837 г. состоялось драматичное обращение Средне-Никольского монастыря, который брала «команда» из 600 человек военных и 2000 «понятых» из местных православных [ЛАИ УрФУ, XIV, 63р/685, л. 152 об.–154; Варадинов, с. 285–289; Соколов, с. 306–326, 368–373, 375–381; Наумлюк, с. 79–80; Рыков, с. 301–313; Починская, с. 183–191; Полозов]; а в 1841 г. в результате внезапного и стремительного натиска

Свято-Троицкий кафедральный собор (бывшая Свято-Троицкая единоверческая церковь), г. Екатеринбург. Современный вид

властей был обращен Верхне-Спасо-Преображенский монастырь [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 190, л. 29–31 об.; Варадинов, с. 395–397]. После «разорения» монастыри фактически прекратили свое существование. Значение «разорения» Иргиза заключалось в том, что, лишившись возможности получать священников, часть старо-

обрядцев не только в Саратовской губернии, но и по всей стране перешла в единоверие. Однако эффект оказался далеко не таким, какого ожидало правительство: позиции старообрядчества лишь пошатнулись, но оно устояло.

В 1838 г. единоверие приняла большая часть екатеринбургских купцов – основных руководителей урало-сибирской беглопоповской организации [Байдин, 1983, с. 124–127; Байдин, 2003, с. 120].

В 1840 г. произошел силовой захват Троицкой нижнетагильской часовни (приведший к волнениям старообрядцев Нижнетагильских заводов), бывшей важным религиозным центром всей нижнетагильской округи [ГАПК, ф. 65, оп. 4, д. 153, л. 4–4 об.; д. 157; ГАСО, ф. 43,

оп. 3, д. 25; Варушкин, с. 169–174; Краткий очерк, с. 600–601; Байдин, 1996, с. 69–76; Шкерин, 1995, с. 94–102].

В 1854–1856 гг. состоялось внедрение единоверия в двух крупнейших московских центрах – Рогожском (там в 1856 г. были опечатаны алтари) [Юхименко, с. 22–25, 29–45] и Преображенском кладбищах [Начало единоверия; Преображенское кладбище, с. 56–63] (там позднее был открыт единоверческий монастырь).

Удары по религиозно-организационным центрам в определенной мере способствовали переходу части старообрядцев в единоверие, однако действительно массовых обращений не произошло.

Реакция старообрядцев

Мощное репрессивное давление властей на староверов приводило к тому, что последние вынуждены были находить способы противостояния: прямое противостояние властям (реже), формальная смена веры (чаще).

До прямого противостояния, когда староверы выходили защищать свои молитвенные здания, дело доходило не всегда. Дерадикализованные староверы XIX в. старались не вступать в конфронтацию с властью. И даже в крайних случаях, как, например, при взятии Иргизских монастырей (когда староверы стояли едва не насмерть), заявляли, что царю они повинуются, но монастыри единоверцам не отдадут. В ряде случаев происходили физические столкновения (как, например, в Нижнем Тагиле), однако власти никогда не решались применять огнестрельное оружие (для разгона протестующих использовались пожарные водометы, что в зимнее время было весьма эффективно). В официальных документах часто звучало требование действовать со старообрядцами осторожно, чтобы не спровоцировать беспорядки.

В условиях давления староверы принимали единоверие в большей степени формально, избавляясь таким образом от преследований. Однако формальный переход совсем не означал действительной смены веры. Об этом свидетельствуют и многочисленные факты пребывания в расколе семей, главы которых дали подписку на присоединение к единоверию или православию. Остальные домочадцы могли оставаться в расколе десятилетиями. Бывало, дети умирали без крещения в единоверческой церкви, старики уходили в иной мир без напутствия единоверческого священника, а новобрачные принимали единоверие только накануне венчания [Агеев, Микитюк, с. 94–95].

Правительство вынуждено было мириться с внутренней автономией некоторых единоверческих общин, как, например, в случае с единоверием «на особых условиях» в Екатеринбурге. Однако это вовсе не означало того, что они полностью отказались от своих старообрядческих убеждений. «Единоверие на особых условиях» способствовало частичному сохранению прежней беглопоповской организации.

Наиболее емко существовавшее положение дел можно описать фразой епископа Екатеринбургского Ионы (Капустина): «Здесь гнездо раскола, личиной единоверия прикрываемое...»²⁸ Однако масштабы этой организации вследствие николаевских репрессий значительно сократились. В то же время представители верхушки екатеринбургского единоверия сохранили обширные связи и пользовались уважением среди старообрядческих и единоверческих общин страны.

Единоверие насаждалось в весьма неблагоприятной для него старообрядческой среде. Прекрасно организованные, нередко зажиточные и многочисленные старообрядческие общества могли эффективно противостоять давлению правительства. Сила старообрядчества заключалась не только в нескольких влиятельных центрах, но и в том, что оно было широко распространенным и в значительной степени децентрализованным явлением, что позволяло староверам успешно сохранять «веру отцов», сопротивляясь насаждению единоверия.

Старообрядческие общины обладали мощными механизмами самозащиты от чуждого влияния. Единоверцы в тех местах, где единая старообрядческая община раскалывалась (как правило, в единоверие переходила меньшая часть верующих), могли подвергаться своеобразному общественному остракизму от оставшихся преданными заветам отцов бывших собратьев. Ситуация могла усугубляться тем, что, по мнению староверов, единоверцам несправедливо отходила когда-то общая часовня и часовенное имущество, купленное на общественные деньги. Свою роль здесь играли сложные межличностные отношения, старые обиды и личные счеты.

Насильственное насаждение единоверия привело совсем не к тем результатам, которые ожидало правительство: старообрядчество не было уничтожено; староверы, оставшиеся без беглых попов, охотнее переходили в беспоповское согласие, чем принимали единоверие; правительство потеряло поддержку старообрядцев. Единоверие, ставшее неотъемлемой частью репрессий против старообрядчества, было серьезно дискредитировано, что осложняло перспективы его дальнейшего развития.

Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург : УрО РАН, 1998. 190 с.

Байдин В. И. О социальной природе волнений старообрядцев на Нижнетагильских заводах в 1840 г. // Проблемы истории России. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу: сб. науч. тр. Екатеринбург : Волот, 1996. С. 69–76.

Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. 230 с.

²⁸ Так, например, в 1853 г. Г. Ф. Казанцев, как во времена расцвета беглопоповщины, разбирал случай пьяной ссоры между священником и дьяконом единоверческой церкви на Кыштымском заводе (что по церковным правилам было прерогативой епархиального начальства) [см.: Байдин, 2003, с. 120; ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 1–14 об., 29–30, 36–49, 129–135].

Байдин В. И. У власти. Купцы-старообрядцы и общество старообрядцев Сибирского края // *Родина*. 2003. № 8. С. 117–120.

Белобородов С. А. Старообрядческие священники Нижнего Тагила в конце XVIII – первой трети XIX в. // *Уральский сборник. История. Культура. Религия*. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2009. Вып. 7 : в 2 ч. Ч. 1. Социально-политическая история. С. 167–178.

Варадинов Н. История министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. СПб. : Тип. Второго отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1863. Кн. 8. доп. 656 с.

Варушкин Н., свящ. О единоверии в Нижнетагильском заводе и его округе // *Православный собеседник*. 1866. Ч. 1. № 1. С. 3–36; Ч. 2. № 7. С. 167–218; Ч. 3. № 9. С. 48–79; № 11. С. 169–204; 1867. Ч. 1. № 4. С. 3–42; № 6. С. 272–311.

ГАПК – Государственный архив Пермского края, г. Пермь. Ф. 65 (Канцелярия Пермского губернатора). Оп. 2. Д. 863. Оп. 4. Д. 136, 145, 148, 153; Ф. 280 (Главное управление имениями князя С. С. Абамелек-Лазарева). Оп. 1. Д. 816; Ф. 297 (Исторический архив Пермской губернской ученой архивной комиссии). Оп. 1. Д. 767; Оп. 2. Д. 890.

ГАСО – Государственный архив Свердловской области, г. Екатеринбург. Ф. 1 (Казанцев Гавриил Фомич, купец-старообрядец). Оп. 1. Д. 3; Ф. 6 (Екатеринбургская консистория). Оп. 1. Д. 497, 519, 534, 540, 546, 547, 561, 596; Ф. 43 (Канцелярия главного начальника Уральских горных заводов). Оп. 3. Д. 18, 24, 25, 32, 41, 45, 52, 85, 91, 93, 95, 97, 117.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М. : Мысль, 1981. 252 с.

Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон : Вольная русская тип., 1861. Вып. 2. 298 с.

Краткий очерк возникновения и распространения единоверия в пределах Екатеринбургской епархии // *Приходы и церкви Екатеринбургской епархии*. Екатеринбург : Изд. Бр-ва Св. праведного Симеона Верхотурского, 1902. С. 578–612.

Кутьев О. Л. Единоверие в Пермских вотчинах Строгановых (30–50-е гг. XIX в.) // *Мир старообрядчества*. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований: материалы междунар. науч. конф. М., 1998. С. 275–282.

ЛАИ УрФУ – Лаборатория археографических исследований УрФУ. Шалинское (XIV) собрание. 63р/685.

Наумлюк А. А. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов : Научная книга, 2009. 99 с.

Начало единоверия на раскольничьем Преображенском кладбище в Москве // *Православное обозрение*. 1866. № 5 (май). С. 117–128.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 1. № 584; Т. 2. № 1257; Т. 3. № 2356; Т. 11. № 9107; Т. 19. № 14409.

Полозов С. П. Из истории Прииргизского старообрядчества XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/109-1-0-891> (дата обращения: 09.04.2013).

Починская И. В. Исторические сочинения о противостоянии старообрядцев и власти из собрания ЛАИ УрГУ // *Уральский сборник. История. Культура. Религия*. Вып. 7. Ч. 2. Екатеринбург, 2009. С. 183–191.

Преображенское кладбище и его прошлое. М., 1901. С. 56–63.

РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 88. Д. 534; Оп. 205. Д. 190; Ф. 832 (Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский). Оп. 1. Д. 48; Ф. 1473 (Секретный комитет по делам раскола). Оп. 1. Д. 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 31, 34, 36, 38, 42–46.

Рыков Ю. Д. Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)* / отв. ред. Е. М. Юхименко. М., 1999. С. 310–313.

Скворцов Г. А. Саратовский высочайше учрежденный секретный совещательный комитет по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия: [Краткий очерк его учреждения и деятельности]. Саратов : Тип. Союза печ. дела, 1915. 44 с.

СППЧР, 1856 – Собрание постановлений по части раскола. СПб. : Тип. МВД., 1856. 771 с.

СППЧР, 1860 – Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб. : Тип. МВД., 1860. Кн. 1. (1716–1800). 790 с.; Кн. 2 (1801–1858). 851 с.

Соколов Н. С. Раскол в саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов : Штерцер и Ко, 1888. 480 с.

Суслова Л. Н. Старообрядческие молитвенные здания в Тобольской губернии в XIX – начале XX в. // Проблемы истории России. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 240–271.

Шкерин В. А. Закрытие старообрядческих часовен в Нижне-Тагильском заводском округе в 30–40-е годы XIX века // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень, 1995. С. 94–102.

Шкерин В. А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. 3-е изд., доп. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. 228 с.

Шлеев С. И., свящ. Единение в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев) // Путь на Голгофу. М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. Т. 2. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского. С. 105–508.

Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М. : Языки славянской культуры, 2005. 240 с.

Ageev, S. S. & Mikityuk, V. P. (1998). *Ryazanovy' – kupcy' ekaterinburgskie* [The Ryazanovs – Ekaterinburg merchants]. Ekaterinburg: UrO RAN.

Bajdin, V. I. (1983). *Staroobryadchestvo Urala i samoderzhavie (konec XVII – seredina XIX vv.): diss. ... kand. ist. nauk* [Old Belief of Ural and autocracy (late 17th – mid. 19th cc.)]. (Dissertation). Sverdlovsk.

Bajdin, V. I. (1996). O social'noj prirode volnenij staroobryadcev na Nizhetagil'skikh zavodah v 1840 g. [About social nature of disorders of the Old Believers at Nizhny Tagil plants in 1840]. In *Problemy' istorii Rossii: ot tradicionnogo k industrial'nomu obshhestvu: sb. nauch. tr.* (Iss. 1, pp. 69–76). Ekaterinburg: Volot.

Bajdin, V. I. (2003). U vlasti. Kupcy'-staroobryadcy' i obshhestvo staroobryadcev Sibirskogo kraja [In power. Merchants-Old Believers and the society of Old Believers of Siberian land]. *Rodina*, 8, 117–120.

Beloborodov, S. A. (2009). Staroobryadcheskie svyashenniki Nizhnego Tagila v konce XVII – pervoj treti XIX v. [Priests-Old Believers in Nizhny Tagil in the late 17th – first third of 19th c.]. In *Ural'skij sbornik. Istorija. Kul'tura. Religiya.* (Iss. 7: in 2 parts). (Part 1, p. 167–178). Ekaterinburg: Izd-vo UrGU.

Eroshkin, N. P. (1981). *Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty' (pervaya polovina XIX v.)* [Villeinage autocracy and its political institutions (first half of the 19th c.)]. Moscow: My'sl'.

Gosudarstvennyj' arhiv Permskogo kraja, Perm' [The state archive of the Perm region, Perm]. Stock 65 (Perm governor office). List 2, Dossier 863. List 4, Dossier 136, 145, 148, 153; Stock 280 (Central board of prince S.S. Abamelek-Lazarev's estates). List 1. Dossier 816; Stock 297 (Historical archive of Perm provincial scientific archival commission). List 1. Dossier 767; List 2. Dossier 890.

Gosudarstvennyj' arhiv Sverdlovskoj oblasti, Ekaterinburg [The state archive of Sverdlovsk region, Ekaterinburg]. Stock 1 (Kazantsev Gavriil Fomich, merchant-Old Believer). List 1. Dossier 3; Stock 6 (Ekaterinburg history). List 1. Dossier 497, 519, 534, 540, 546, 547, 561, 596; Stock 43 (Office of the chief of Ural mining plants). List 3. Dossier 18, 24, 25, 32, 41, 45, 52, 85, 91, 93, 95, 97, 117.

Kel'siev, V. (1861). *Sbornik pravitel'stvenny'h svedenij o raskol'nikah* [Collection of governmental information about dissenters]. (Iss. 2). London: Vol'naya russkaya tip.

Kratkij ocherk voznikoveniya i rasprostraneniya edinoveriya v predelakh Ekaterinburgskoj eparhii [Brief essay on the rise and spread of coreligion within Ekaterinburg eparchy]. (1902). In *Prihody' i cerkvi Ekaterinburgskoj eparhii* (pp. 578–612). Ekaterinburg: Izd. Br-va St. pravednogo Simeona Verhoturskogo.

Kut'ev, O. L. (1998). Edinoverie v Permskikh votchinah Stroganovy'h (30–50-e gg. XIX v.) [Coreligion in Stroganovs' Perm estates (30–50s of the 19th c.)]. In *Mir staroobryadchestva.* (Iss. 4, pp. 275–282). Moscow.

Laboratoriya arheograficheskikh issledovanij UrFU. Shalinskoe (XIV) sobranie [Laboratory of archaeological researches of the Federal University of Ural. Shalinsk collection]. (n.d.).

Nachalo edinoveriya na raskol'nicheskom Preobrazhenskom kladbishhe v Moskve [The beginning of coreligion at Preobrazhenskoe cemetery in Moscow]. (1866). *Pravoslavnoe obozrenie*, 5, 117–128.

Naumlyuk, A. A. (2009). *Centr staroobryadchestva na Irgize: poyavlenie, deyatel'nost', vzaimootnosheniya s vlast'yu* [The center of Old Belief on Irgiz: rise, activity, relations with the authorities]. Saratov: Nauchnaya kniga.

Pochinskaya, I. V. (2009). Istoricheskie sochineniya o protivostoyanii staroobryadcev i vlasti iz sobraniya LAI UrGU [Historical essays about confrontation of Old Believers and authority from the collection of LAI UrGU]. In *Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya*. (Iss. 7, part 2, pp. 183–191). Ekaterinburg.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian empire]. Collection 2. Vol. 1. № 584; Vol. 2. № 1257; Vol. 3. № 2356; Vol. 11. № 9107; Vol. 19. № 14409.

Polozov, S. P. (n.d.). *Iz istorii Priirgizskogo staroobryadchestva XVIII–XIX vv.* [From history of Preirgiz Old Belief of 18th–19th cc.]. Retrieved from: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/109-1-0-891>.

Preobrazhenskoe kladbishhe i ego proshloe [Preobrazhenskoe cemetery and its past]. (1901). (pp. 56–63). Moscow.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv, St. Petersburg. [Russian state historical archive, St. Petersburg]. Stock 796 (The office of synod). List 88. Dossier 534; List 205. Dossier 190. Stock 832 (Filaret (Drozdov), metropolitan of Moscow and Kolomenskoe). List 1. Dossier 48. Stock 1473 (The secret committee for split affairs). List 1. Dossier 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 31, 34, 36, 38, 42–46.

Ry'kov, Yu. D. (1999). Novonajdennaya povest' o razorenii Irgizskogo Sredne-Nikol'skogo monasty'rya v 1837g. [Newly found story about devastation of Sredne-Nikol'skij monastery in Irgiz in 1837]. In E. M. Yuhimenko (Ed.), *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* (pp. 310–313). Moscow.

Shkerin, V. A. (1995). Zakry'tie staroobryadcheskih chasoven v Nizhne-Tagil'skom zavodskom okruge v 30–40e gody' XIX veka [Closing of Old Belief chapels in Nizhny Tagil factory district in 30–40s of the 19th century]. In *Religiya i cerkov' v Sibiri* (Iss. 8, pp. 94–102). Tyumen.

Shkerin, V. A. (2008). *General Glinka. Lichnost' i e'poha* [General Glinka. Personality and epoch]. (3rd ed. enlarged). Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii.

Shleev, S. I., svyashh. (2005). Edinoverie v svoem vnutrennem razvitii (v raz'yasnenie ego malorasprostranennosti sredi odryadcev) [Coreligion in its internal development (in explanation of its rarity among believers)]. In *Put' na Golgofu*. (Vol. 2, pp. 105–508). Moscow: Izd-vo PSTGU.

Skvorczov, G. A. (1915). *Saratovskij vy'sochajshe uchrezhdennyj sekretnyj soveshchatel'nyj komitet po delam o raskol'nikah, sektantah i otstupnikah ot pravoslaviya: [Kratkij ocherk ego uchrezhdeniya i deyatel'nosti]* [Saratov highly established secret advisory committee on dissenters, sectarians and apostates from Orthodoxy: brief essay on its establishment and activity]. Saratov: Tip. Soyuza pech. dela.

Sobranie postanovlenij po chasti raskola [Collection of resolutions on split]. (1856). St. Petersburg: Tip. MVD.

Sobranie postanovlenij po chasti raskola, sostoyavshih'sya po vedomstvu Sv. Sinoda [Collection of resolutions on split adopted on the advice of the Synod]. (1860). (Book 1, 1716–1800). (Book 2, 1801–1858). St. Petersburg: Tip. MVD.

Sokolov, N. S. (1888). *Raskol v saratovskom krae. Opy't issledovaniya po neizdannym materialam. Popovshhina do pyatidesyaty'h godov nastoyashhego stoletiya* [Split in Saratov region. Experience of research on unpublished materials. Clericalism till 50s of the current century]. Saratov: Shtercer i Ko.

Suslova, L. N. (2005). Staroobryadcheskie molitvenny'e zdaniya v Tobol'skoj gubernii v XIX – nachale XX v. [Old Belief places of worship in Tobolsk province in the 19th – early 20th c.]. In *Problemy istorii Rossii* (Iss. 6, pp. 240–271). Ekaterinburg.

Varadinov, N. (1863). *Istoriya ministerstva vnutrennih del. Istoriya rasporyazhenij po raskolu* [History of the Ministry of Home Affairs. History of orders on split]. (Book 8 enlarged). St. Petersburg: Tip. Vtorogo otdeleniya S.E.I.V. Kancel'yarii.

Varushkin, N. svyashh. (1866; 1867). O edinoverii v Nizhnetagil'skom zavode i ego okruge [About coreligion in Nizhy Tagil plant and its vicinity]. *Pravoslavnyj sobesednik, Part 1, 1, 3–36; Part 2, 7, 167–218; Part 3, 9, 48–79; 11, 169–204; Part 1, 4, 3–42; 6, 272–311*.

Yuhimenko, E. M. (2005). *Starobryadcheskij centr za Rogozhskoj zastavoyu* [The center of Old Belief beyond Rogozhskaya gate]. Moscow: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'.

The article was submitted on 18.05.2014

Александр Сергеевич Палкин
к. и. н.
Россия
Уральский федеральный
университет
alexander.palkin87@gmail.com

Alexander Palkin, Dr
Russia
Ural Federal University
alexander.palkin87@gmail.com